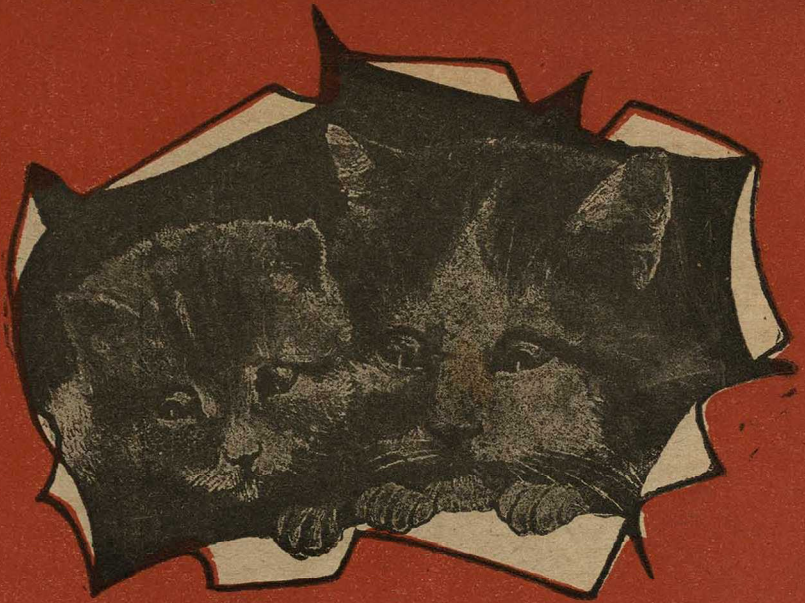

Годъ изданія десятый.

ФЕВРАЛЬ.

№ 7.

1917.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- УЖЪ СКОРО, СКОРО!.. (стих.).
- ВЪЛІАЯ УТОЧКА (разсказъ).
- ВЪ МОРОЗНУЮ НОЧЬ (стих.).
- ПРИЕМЫШЪ (повѣсть).
- ПЕРЕСЕЛЕНІЕ ДУШИ (сказка).
- ГОЛОВОЛОМКИ.
- РЕБУСЪ и проч.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

УЖЪ СКОРО, СКОРО!..

Теперь ужъ скоро! Мартъ настанеть,
Грачи къ намъ съ Юга прилетятъ,
Растаетъ снѣгъ, теплою потянетъ,
И новый приметъ все нарядъ.

Въ лѣсу, на сухенькомъ мѣстечкѣ,
Подснѣжникъ первый зацвѣтетъ,
И, широко разлившись, рѣчка
Вновь въ берега свои войдетъ.

И, возвратясь въ свои скворешни,
Скворцы повсюду запоютъ,
Затѣмъ начнутъ цвѣсти черешни
И вишни буйно зацвѣтутъ.

Потомъ заквакаютъ лягушки
И зажужжить въ цвѣтахъ пчела...
И вдругъ раздастся крикъ кукушки:
— „Ку-ку! Ку-ку! Весна пришла!»

Потомъ свирѣль вдругъ станетъ слышно
И такъ потянетъ вдругъ туда,
Гдѣ лѣсъ, цвѣты, гдѣ все такъ пышно
И гдѣ въ поляхъ мычатъ стада!

Кузнечикъ.

БѢЛАЯ УТОЧКА.

Сынъ батюшки отца Григорія Тимоша, еще будучи мальчикомъ, не могъ переносить, когда убивали животныхъ. Часто онъ по цѣлымъ днямъ оставался вовсе безъ ѣды, когда къ обѣду или къ ужину подавали какую-нибудь птицу, которая еще только вчера ходила по двору и радовалась жизни. Все свое свободное время онъ проводилъ съ животными, возился со щенятами и съ домашней птицей и они служили ему живыми игрушками. Онъ былъ единственнымъ сыномъ у отца, не имѣлъ сверстниковъ и всѣ домашнія животныя, которыхъ такъ любила разводить его мать, замѣняли ему друзей.

Каждую курицу и каждую утку онъ называлъ по имени, разговаривалъ съ ними, и когда выходилъ на дворъ, то всѣ онъ вмѣстѣ съ собаками и кошками бросались къ нему и начинали къ нему ласкаться. Даже скворцы слетали со своихъ скворешень и кружились около него. Любившій его отецъ, глядя на эти сцены, покачивалъ головой и говорилъ:—

— Какъ отъ человѣка, такъ и до скота... И животное любить, когда его ласкаютъ!..

Затѣмъ Тимошу увезли въ губернский городъ и отдали учиться. Онъ проучился тамъ цѣлыя восемь лѣтъ, потомъ поступилъ куда-то еще и

возвратился къ отцу на родину образованнымъ, интереснымъ молодымъ человѣкомъ. Батюшка о. Григорій и матушка не могли наглядѣться на него и стали съ гордостью показывать его своимъ сосѣдямъ. Они принимали отъ нихъ приглашенія, приглашали къ себѣ и сами въ тайнѣ уже присматривали для него невѣсту. Но одна казалась для него некрасивой, другая—бѣдной, третья—необразованной, и они перебирали всѣхъ барышень въ уѣздѣ и ни на одной изъ нихъ не могли остановиться. Сынъ-же ихъ Тимоша, теперь уже Тимошей Григорьевичъ, по прежнему питалъ слабость къ животнымъ, цѣлые дни проводилъ съ ними, не ѣлъ ничего мясного и этимъ приводилъ въ ужасъ свою мать: она не знала, чѣмъ его кормить. Но онъ всегда былъ веселъ и требователенъ и довольствовался очень малымъ. Ему было неловко, что онъ нарушалъ теченіе домашней жизни, гдѣ чуть не каждый день подавалась къ столу птица—и его утѣшало только то, что по окончаніи лѣта онъ долженъ былъ принять санъ священника, получить приходъ и начать уже свою личную, самостоятельную жизнь. Оставалось дѣло только за невѣстой.

Появленіе въ селѣ молодого человѣка сразу же обратило на себя вниманіе. Всѣ тѣ, у кого были дочери-невѣсты, стали искать съ нимъ знакомства—помѣщики, и купцы, и богатые крестьяне. Пригласила его къ

себѣ однажды и Настасья Петровна, владѣлица очень благоустроеннаго хутора. У нея была уже засидѣвшаяся въ невѣстахъ дочь Клавденька, ей очень хотѣлось ее выдать поскорѣе замужъ. вмѣстѣ съ нимъ она позвала къ себѣ и его отца и мать и рѣшила принять ихъ на славу. Былъ назначенъ опредѣленный день и Настасья Петровна съ Клавденькой заранѣе обдумывали, чѣмъ ихъ угостить.

— Надо будетъ сдѣлать супъ съ лапшой, говорила Настасья Петровна.—Затѣмъ изжарить какую-нибудь птицу. Такая досада, право, что у насъ нѣтъ утокъ; а куры и гуси уже всѣмъ надоѣли!..

И, подозревая къ себѣ свою безродную племянницу Лизу, которая жила у нея, какъ у богатой родственницы, изъ милости и замѣняла собою прислугу, она рѣзко ей приказала:—

— Завтра въ Знаменскомъ будетъ базаръ. Чуть свѣтъ сходи завтра туда и купи чего повкуснѣе. Будутъ званые гости. Надо не ударить лицомъ въ грязь. Купи тамъ утокъ, покрупнѣе да пожирнѣе, да еще кое-чего къ обѣду... Вотъ тебѣ деньги. Смотри, не проспи! Вѣдь вы любите поспать подольше и ничего не дѣлать!..

Лиза приняла отъ нея деньги, проснулась на другой день еще до солнца, отправилась въ Знаменское на базаръ, купила тамъ, чего ей приказали, и съ двумя корзинами,

наполненными доверху, возвращалась обратно на хуторъ.

Путь былъ далекій и корзины были тяжелы. Было уже жарко, крестьяне давно уже работали въ полѣ и высоко-высоко въ небѣ пѣли жаворонки.

— Да не возись ты такъ, бѣлая утка, въ корзины! крикнула она на одну изъ своихъ попокъ.—Вѣдь тебя трудно нести! Сиди спокойно!

Потъ струился у нея по лицу и отъ усталости едва плелись ноги. Предстояло еще весь день хлопотать дома по хозяйству, а она уже прошла пѣшкомъ пять верстъ въ Знаменское на базаръ и вотъ уже четвертую версту идетъ обратно.

— Уфъ! вздыхаетъ она.—Еще одна верста—и я буду дома. Да не вертись же ты такъ въ корзины, бѣлая утка! Бери примѣръ съ сѣрой! Вѣдь тебя трудно нести!

Она остановилась, чтобы перевести духъ, и поставила корзину на землю. Бѣлая утка высунула изъ нея голову и оглянулась по сторонамъ. Выраженіе ея глазъ было какое-то смѣшное и задорное. Она очень понравилась Лизѣ.

— А вѣдь тебя, бѣдняжку, все-таки зарѣжутъ и съѣдятъ! сказала она.—И зачѣмъ только вы существуете на свѣтѣ?

Утка высунулась побольше. Лиза погладила ее по шеѣ и по головѣ. Утка схватила ее клювомъ за палецъ и ласково ее за него потрепала. Было очевидно, что она была руч-

ная и продана только изъ нужды или по недоразумѣнію. Она была чистенькая, выхоленная, съ яркими, блестящими лапками и клювомъ, и доверчиво, какъ собака, смотрѣла на Лизу.

— Какая славная! подумала дѣвушка.—Жаль будетъ ее рѣзать...

Она подняла свои корзины и снова отправилась въ путь. Пройдя нѣсколько десятковъ шаговъ, она почувствовала, что одна изъ нихъ какъ будто-бы стала легче. Она взглянула въ нее и вдругъ, къ ужасу своему, замѣтила, что бѣлой утки въ ней не было.

— Боже мой, испугалась она.—Куда же она дѣлась? Какъ-же я теперь покажусь на глаза тетенькѣ? Вѣдь она меня заругаетъ!..

Она оглянулась назадъ и вдругъ, полная изумленія, засмѣялась: бѣлая утка, выскочивъ по дорогѣ изъ корзины, все время неотступно ковыляла за своей новой госпожей и не хотѣла отъ нея отставать.

— Ахъ, ты моя милая! воскликнула она.—Да какая-же ты умница! Бѣжить за мной, какъ собачка.

И всю дорогу до самаго хутора утка ковыляла за Лизой, иногда широко взмахивая крыльями, чтобы помочь себѣ этимъ и поспѣть за дѣвучкой.

—Посмотрите, тетенька, какого я звѣря купила! радостно воскликнула Лиза, войдя во дворъ хутора и указавъ Настасьѣ Петровнѣ на провожавшую ее птицу.

— Что-жъ, птица какъ птица! равнодушно отвѣтила тетка и оглядѣла утку.—Ничего, крупная и жирная. Вотъ только будетъ-ли мягкая? Молода-ли она?

Дѣвушка сразу-же опечалалась.

— Неужели Вы будете ее рѣзать? робко спросила она.

— А для чего-жъ я ее приказала тебѣ купить? отвѣтила Настасья Петровна.

— Но вѣдь она такая ручная, ласковая! Смотрите, какъ она сейчасъ ко мнѣ подойдетъ!

И она подозвала птицу къ себѣ. Утка послушно подошла къ ней и стала тереться у ея ногъ.

— Вы посмотрите, тетенька, какая она хорошая! старалась убѣдить тещу Лиза.—Ее жалко рѣзать!

Она взяла на руки утку и крѣпко прижала ее къ груди. Что-то теплое, ласковое пролилось у нея по тѣлу отъ этого прикосновения.

— Тетенька, пожалѣйте ее, не рѣжьте! взмолилась она. — Вы посмотрите, какая она ручная!

— Глупости, оборвала ее тетка.—Ты вѣчно со своими пустяками! Точно маленькая, право! Вѣдь тебѣ уже семнадцатый годъ!

И, заглянувъ въ сарай, она крикнула сидѣвшему въ немъ работнику:—

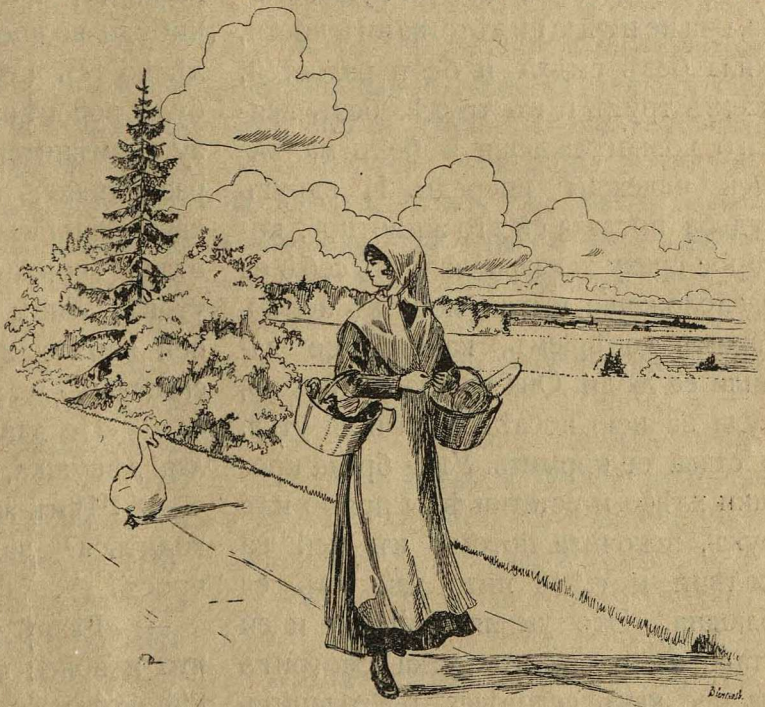
— Ефимъ, зарѣжешь сегодня вечеромъ этихъ трехъ утокъ, а Матрена пусть ихъ ошиплетъ! Да пусть пухъ отъ нихъ положить отдѣльно!

Что-то острое, точно игла, кольнуло вдругъ Лизу въ самое сердце. Она покраснѣла. Утокъ можно было бы сегодня и не рѣзать.

— Какъ? воскликнула она.—Мою утку? Зарѣзать? Этого вы не сдѣлаете никогда!

— Твою? тоже вспыхнула Настасья Петровна.—Да съ какихъ-же это поръ она сдѣлалась твоей? Ты за нее заплатила своими денгами? Да?

Лиза опустила голову.

...И всю дорогу до самаго хутора утка ковыляла за Лизой.

— Нѣтъ, тихо отвѣтила она съ дрожью въ голосѣ и еще крѣпче прижала къ себѣ птицу. — Но я васъ, тетенька, прошу! Сжальтесь надъ нею.

Тетка нахмурила брови.

— Ну, нечего тутъ разговаривать! заворчала она.—Прогуляла все утро, пора и за дѣло! Переодѣнься и иди на кухню!

Лиза горько улыбнулась. Она прогуляла все утро! Пять верстъ туда и пять обратно съ тяжелыми корзинами въ рукахъ!.. Какъ это жестоко со стороны Настасьи Петровны! Но дѣлать было нечего и дѣвушка покорно побрела въ кухню. Она не имѣла права ни высказывать желанія, ни возражать. Бездомная сирота, которую приютили изъ-за куска хлѣба, она не имѣла нидѣтствани юности, жила безъ смѣха и безъ радостей, все въ трудѣ и въ трудѣ, безъ всякаго вознагражденія и безъ малѣйшей надежды впереди. И вдругъ судьба послала ей это животное, которое сразу-же завоевало къ себѣ ея расположеніе и отнеслось къ ней съ такимъ довѣріемъ, какимъ не дарили ее люди. Она вошла въ кухню, куда за нею послѣдовала и ея утка, и стала ее кормить. Утка брала крошки хлѣба и остатки ѣды прямо изъ рукъ, вскочила потомъ къ ней на колѣни и стала пить чай изъ ея блюда. Это умиляло Лизу, и ей стало казаться, что утка смотритъ на нее какъ человѣкъ, благодаритъ ее взглядомъ и проситъ, какъ со-

бачка. Съ этого часа Лиза и утка уже больше не разставались.

Быль четвергъ, гостей ожидали въ воскресеніе и эти три дня прошли для Лизы, точно въ сказкѣ. Въ субботу утка должна была лишиться жизни. При одной только мысли объ этомъ Лиза приходила въ ужасъ.

— Неужели они тебя убьютъ? обращалась она къ своей любимицѣ.— Нѣтъ! этого не случится никогда! Я не дамъ тебя въ обиду! Развѣ можно убивать и ѣсть своихъ друзей?

Въ своемъ вѣчномъ одиночествѣ Лиза любила мечтать, читала украдкой волшебныя сказки и онѣ помогали ей хоть не надолго быть счастливой. Послѣ каждой сказки ей всегда казалось, что вотъ-вотъ по какому нибудь волшебству или щучьему велѣнію съ нею случится какая-нибудь перемѣна и положеніе ея сразу измѣнится къ лучшему. Какъ разъ въ ночь на субботу, послѣ того какъ Настасья Петровна вторично отдала приказаніе Ефиму зарѣзать утокъ, Лизѣ приснился сонъ. Къ ней явилась во снѣ ея любимица и сказала:—

— «Не давай меня убивать, милая дѣвушка, я тебѣ пригожусь.

— «Чѣмъ-же ты можешь мнѣ пригодиться? задала Лиза уткѣ въпросъ.

— «Развѣ ты не догадываешься, что я вовсе не утка, а добрый гений, котораго злая волшебница заколдовала и превратила въ птицу?

Если ты избавишь меня отъ смерти, то я принесу тебѣ счастье. Ты увидишь, какія тебя ожидаютъ радости впереди! Пожалѣй же меня и защити меня отъ смерти!

Лиза вздохнула во снѣ и отвѣтила:

— «Хорошо, милая уточка, я спасу тебя, хотя-бы отъ этого и пострадала сама!

Она проснулась подъ впечатлѣніемъ этого сна и утка стала для нея еще дороже. Какъ ее спасти? Сегодня ее зарѣжутъ и какъ-бы она ни старалась ее скрыть, все равно тетка Настасья Петровна догадается, такъ какъ ни на минуту не спускаетъ съ нея глазъ и слѣдитъ за малѣйшимъ ея движеніемъ. Но она рѣшилась и спасетъ утку во что-бы то ни стало. Только-бы вотъ придумать, какъ ее спасти?

Вставши раньше всѣхъ, Лиза вышла на дворъ, чтобы выпустить куръ, корову и двухъ козъ. Бѣлая утка, уже стояла у корытца съ водой, плескалась изъ него и охорашивала на себѣ перышки. Завидѣвъ Лизу еще издали, она бросилась къ ней навстрѣчу, захлопала крыльями, открыла клювъ и стала вертѣться около ея ногъ, точно хотѣла этимъ сказать:—

— Здравствуй, милая дѣвушка! Я давно уже ожидаю, когда ты выйдешь! Вѣдь я знаю, что только ты одна можешь спасти меня отъ смерти!

Управившись со своими утренними работами, Лиза стала приду-

мывать, куда-бы ей спрятать отъ глазъ тетки свою любимицу. Она долго ломала себѣ голову и наконецъ вскрикнула отъ радости. Кое-когда ей перепадали мѣдныя монеты, которыя она получала отъ сосѣдокъ за то, что ходила для нихъ въ Знаменское на базаръ, и она берегла ихъ въ дырѣ, въ каменной стѣнѣ. Дыру эту она закладывала кирпичомъ, и никто даже и не догадывался, что тамъ хранилось у нея цѣлое богатство — было скоплено около рубля. Она побѣжала къ этой дырѣ, достала изъ нея деньги, сосчитала ихъ и, довольная, отправилась въ сосѣднее имѣніе, гдѣ разводили утокъ.

— Нѣтъ-ли у васъ продажной утки? спросила она у экономки.

— И-и, милая! отвѣтила ей старушка.—Какія-же теперъ утки? Молодыхъ продавать жалко, а старыхъ уже сами всѣхъ съѣли. Вчера зарѣзали самую старую, ощипали и положили на холодъ, да вотъ не знаю, годится-ли она для ѣды? Станутъ-ли ее господа ѣсть? Должно быть, будетъ жестка, какъ подошва!

— Продайте ее мнѣ! обрадовалась Лиза.

Онѣ сговорились, старушка принесла ей съ ледника уже ощипанную утку; она схватила ее, спрятала подъ передникъ и побѣжала домой.

— Когда ты перестанешь трепаться по сосѣдямъ! встрѣтила ее тетка.— И все она гуляетъ, все она гуляетъ! Не знаю, право, что дѣлать съ этой гадкой дѣвченкой.

Но Лиза уже не слушала ее и побѣжала въ сарай прятать свою подругу. Она устроила для нея въ углу удобное мѣстечко, поставила корма и воды, загородила ее со всѣхъ сторонъ ящиками и разнымъ хламомъ, чтобы ее не видѣлъ никто, положила купленную утку на погребѣ и, какъ ни въ чемъ не бывало, отправилась въ кухню.

Вечеромъ начались приготовленія къ завтрашнему обѣду. Еюимъ поточилъ ножъ, отправился на задній дворъ и тамъ начались стоны и кровопролитіе. Затѣмъ стали обсуждать, что подать на первое, второе и на третье. Настасья Петровна вошла въ

кухню и оглядѣла всѣхъ троихъ утокъ, которыя были уже ошипаны и лежали на столѣ. Самой большой изъ нихъ была та, которую Лиза купила у экономки въ сосѣдней усадьбѣ.

— Я думаю, что съ насъ хватитъ на обѣдъ и одной, рѣшила Надежда Петровна.—Оставь-ка ты этихъ двухъ на ужинъ и на слѣдующій день, а вотъ эту, твою-то, изжарь завтра для гостей! Что-жъ, утка была молодая! Я сама видѣла, какая она была изъ себя: крупная, жирная, кормленная.

На слѣдующій день Лиза спозаранку накрыла на столъ, все у нея было готово, всѣ въ домѣ принарядились и съ нетерпѣніемъ стали ожидать гостей.

Но вотъ они и пріѣхали. Тарантасъ въѣхалъ во дворъ и остановился около крыльца. Изъ него вылѣзли батюшка отецъ Григорій, Матушка и ихъ сынъ Тимоѣей Григорьевичъ, очень милый и красивый молодой человѣкъ лѣтъ двадцати четырехъ. Настасья Петровна и Клавденька вышли къ нимъ на встрѣчу.

— Пожалуйте, дорогие гости! обратилась къ нимъ нараспѣвъ Настасья Петровна.—

Завидѣвъ Лизу еще издали, бѣлая утка бросилась къ ней навстрѣчу...

Спасены.

Милости просимъ! Мы такъ уже васъ заждались!

Гости вошли и ихъ тотчасъ-же усадили за столъ. Начался обѣдъ. Все время Клавденька старалась обратитъ на себя вниманіе Тимоѳея Григорьевича, Настасья Петровна накладывала ему цѣлыя горы на тарелку, но онъ какъ-то стѣснялся и ничего кромѣ хлѣба не ѣлъ и не пилъ ничего, кромѣ молока. Клавденька ему очень не понравилась, хотя его родители и желали-бы, чтобы онъ присвѣтался именно къ ней, такъ какъ она была единственной дочерью у своей матери и считалась богатой наслѣдницей. Наоборотъ, скромная Лиза, все время хлопотавшая по хозяйству, привлекала своей скромностью и миловидностью его вниманіе и онъ ловилъ минуты, когда она управлялась и садилась за столъ, чтобы поговорить съ нею или задать ей о чемъ-нибудь вопросъ. Настасья Петровна метала на нее изъ глазъ искры и лишній разъ старалась услатъ ее въ кухню.

Настала очередь до жаркого. Лиза подала на столъ жареную утку. Настасья Петровна съ трудомъ наръзала ее и разложила по тарелкамъ. Батюшка прикоснулся до нея и не могъ продолжать: она была жестка, какъ резина. Какъ ни любила утокъ матушка, но тоже должна была отказать отъ ѣды. Настасья Петровна тоже попробовала, но сконфузилась и покраснѣла. Ея хозяйская гордость была задѣта за живое.

— Да тутъ нужны не зубы, а моржовые клыки, чтобы разжевать эту птицу,—съ негодованіемъ шепнула она Клавденькѣ на ухо.—Ну нечего сказать: разодолжила меня сегодня Лизка!

И она сверкнула на Лизу глазами. Дѣвушка поняла, въ чемъ дѣло, смутилась, покраснѣла и опустила глаза.

И вдругъ, съ громкимъ криканьемъ, разыскивая свою госпожу, вбѣжала въ столовую бѣлая утка и, радостно закрикавъ и захлопавъ крыльями, вспрыгнула Лизѣ на колѣни и стала къ ней ласкаться. Лиза испугалась и вся похолодѣла отъ страха. Какимъ-то образомъ утка нашла лазейку изъ своего уголка, выскочила изъ сарая на дворъ и побѣжала разыскивать свою спасительницу. Тетушка Настасья Петровна вскочила въ негодованіи изъ за стола и стала извиняться передъ гостями. Клавденька была до крайности сконфужена. Батюшка весело смѣялся по поводу этого происшествія, Матушка все еще трудилась надъ любимой ѣдой, а Тимоѳея Григорьевичъ заинтересовался такой дружбой между птицей и человѣкомъ и, позабывъ обо всемъ, сталъ спрашивать Лизу. Но она еле сидѣла за столомъ отъ страха не столько за себя, сколько за свою нарушительницу общественнаго спокойствія.

— Что это значить? вдругъ крикнула на племянницу Настасья Петровна.—Откуда эта утка? Въдѣ я приказала ее зарѣзать!

Лиза не умѣла говорить неправду и, вся запыхавъ отъ стыда, рассказала всю исторію обѣихъ утокъ. Она не скрыла отъ тетки и отъ гостей ни малѣйшей подробности и рассказъ ея былъ такъ простъ и такъ трогателенъ, что гости заинтересовались имъ и Лиза показалась имъ такой доброй, такой милой дѣвушкой, какой они не встрѣчали еще никогда. Батюшка слушалъ ее съ восхищеніемъ, матушка смотрѣла на нее широко раскрывавъ глаза, а Тимоѣей Григорьевичъ взялъ отъ нея къ себѣ на руки утку и сталъ ее гладить по спинѣ и ласкать по шеѣ. Все время онъ не спускалъ съ Лизы глазъ. Она очень ему понравилась.

Окончивъ свой рассказъ, Лиза убѣжала къ себѣ [въ кухню и стала плакать. Наплакавшись до сыта она вышла въ столовую. У ея ногъ все еще терлась утка. Гости уже не было, они уѣхали къ себѣ домой. У окна стояла, надувшись, Клавденька, Настасья Петровна ворчала и швыряла въ разныя стороны салфетки, вилки и ножи.

— Что-жъ, ты, кажется вовсе не думаешь убирать со стола? крикнула она на Лизу.—Мнѣ, что-ли прикажешь мыть тарелки?

Лиза убрала со стола, вымыла всю посуду, уложила ее въ шкафъ и, взявъ съ собою утку, вышла съ нею за ворота и отправилась въ степь гулять.

«Будь, что будетъ!» рѣшила она.—

«Только я эту утку не отдамъ никому».

Она вернулась домой только къ вечернему чаю. Все время птица ковыляла около нея и не отставала отъ нея ни на шагъ.

Чей-то тарантасъ стоялъ у воротъ.

«Кто-бы это могъ къ намъ пріѣхать?» подумала Лиза и быстро вошла въ калитку.

Каково-же было ея изумленіе, когда она увидѣла опять у себя въ гостяхъ отца Григорія! На этотъ разъ онъ былъ въ шелковой лиловой рясѣ и лицо его такъ и сіяло.

— А вотъ и она! воскликнулъ онъ при видѣ Лизы.—Вотъ и она, наша степная принцесса!

Лиза ласково отвѣтила на его привѣтствіе и хотѣла было уйти къ себѣ, но ее задержала тетка.

— Постой, не уходи! уже привѣтливо обратилась она къ ней.—Батюшка отецъ Григорій пріѣхалъ сюда, чтобы сдѣлать тебѣ великую честь. Онъ проситъ у меня для Тимоѣя Григорьевича твоей руки. Ну, что-жъ ты на это отвѣтишь? Хочешь ты быть женой его сына?

Лиза не знала, что отвѣтить. Ей показалось, что она ослышалась, щеки у нея запыхали, сердце забилось и колѣнки задрожали. Такой чести она не ожидала.

— Что-же, дитя мое, ты молчишь? ласково обратился къ ней отецъ Григорій.—Ты очень понравилась сегодня моему сыну своими

скромностью и добротой. Что-же мнѣ ему сейчасъ отвѣтить? Хочешь ты быть его женой?

Она не посмѣла ему отвѣтить и только прямо и откровенно посмотрѣла ему въ глаза. По этому взгляду ея онъ понялъ ея отвѣтъ, перекрестилъ ее широкимъ крестомъ и поцѣловалъ ее въ лобъ.

—Ну, вотъ и хорошо!... сказала онъ.—Теперь ты будешь для меня любимой дочерью, а для моего сына вѣрной и доброй женой.

И поговоривъ о чемъ-то съ Настасьей Петровной наединѣ, онъ сѣлъ въ тарантасъ и уѣхалъ.

Затѣмъ начались приготовленія къ свадьбѣ.

Не прошло и двухъ недѣль, какъ

Лизу и Тимоѳея Григорьевича обвѣнчали и тотчасъ же послѣ свадьбы они уѣхали къ себѣ въ свой новый приходъ.

И стала Лиза самостоятельной хозяйкой и никто не былъ такъ счастливъ, какъ она. Все время около нея была ея любимая бѣлая утка и, говорятъ, прожила очень долго и околѣла въ глубокой старости. У молодой попадьи домъ былъ, какъ полная чаша,—всего въ немъ было вдоволь, но домашнюю птицу она держала только для однихъ яицъ: всего только пѣтуха и трехъ куръ и жила съ ними въ тѣсной дружбѣ. Для нея и для ея мужа казалось страннымъ и жестокимъ убивать для ѣды своихъ пернатыхъ друзей.

Гіальмаръ.

ВЪ МОРОЗНУЮ НОЧЬ.

Морозъ... Глядитъ съ небесъ луна,
Своей сіяя красотою,
И ярче кажется она,
Чѣмъ раньше—лѣтомъ и весною.
Кругомъ бѣло, какой просторъ!
Деревья въ праздничномъ уборѣ,
Зима раскинула коверъ!
На крышахъ, вѣткахъ, на заборѣ,
Повсюду блески!.. Вдалекѣ
Темнѣютъ ели; и долины,
Какъ мягко взбитыя перины,
Пушисто стелются къ рѣкѣ.
Повсюду тишь... Далеко слышны
Въ лѣсу удары топора

И все кругомъ такъ славно, пышно,
Что не ушелъ бы со двора.
И вотъ два зайчика трусливо
Вбѣгаютькъ намъвъ фруктовый садъ.
Поводятъ ушками, глядятъ
И гложутъ яблони и сливы...
Но вдругъ изъ задняго двора
На нихъ затыфкала Амишка...
Спасайтесь, зайцы! Ужъ пора!
И быстро прячутся воришки.
И снова тишь... Лишь на селѣ
Звонарь звонитъ часы ночные...
Морозъ трещитъ и расписные
Узоры чертитъ на стеклѣ.

Кузнечикъ.

П Р И Е М Ы Ш Ъ.

Повѣсть.

(Продолженіе).

На слѣдующій день къ Женѣ и Димѣ пришелъ съ утра Вася Хомутовъ.

Было воскресенье, свѣтило радостное солнце, звонили колокола, пахло густымъ запахомъ сирени, летали ласточки и Женю вдругъ властно и ноумолимо потянуло въ деревню. И ей показалось страннымъ, что потянуло ее не въ Крымъ, гдѣ протекло ея дѣтство, а именно туда, въ усадьбу, гдѣ въ первыя недѣли она чувствовала себя такъ безнадежно одинокой и какъ въ ссылкѣ.

Она уже тосковала по большому старинному паркѣ, въ вершинахъ котораго весело щебетали птицы, по милой, струистой рѣчкѣ, въ которой по вечерамъ шумно плескались рыбы, и по широкимъ, раздольнымъ полямъ, по которымъ она бѣгала, какъ у себя дома, и на которыхъ росла изумрудная, начавшая уже колоситься, рожь и низко склонялась передъ ней отъ набѣгавшаго вѣтерка. Она вспомнила свою дачу въ Крыму, гдѣ все было такъ прекрасно, гдѣ виднѣлись очаровательныя голубыя горы и плескалось безбрежное синее море, но все это представлялось ей теперь красивой картиной, на которую было пріятно глядѣть, но которая теперь мало говорила ея душѣ.

— Поскорѣй-бы пріѣзжалъ изъ

Москвы дядя, сказала она Димѣ, мечтательно глядя на пушистыя облака.—Хочется домой.

— Да, отвѣтилъ и Дима.—Здѣсь тоже хорошо, только... надоѣло!

Вася Хомутовъ прислушивался къ ихъ разговорѣ, къ ихъ мечтамъ о томъ, какъ они проведутъ лѣто, и ему тоже захотѣлось къ нимъ. Онъ спрашивалъ ихъ объ ихъ усадбѣ, о лошадкахъ и, слушая ихъ, глядѣлъ, не мигая, въ пространство и старался вообразить себѣ хоть сотую долю тѣхъ радостей, о которыхъ они ему говорили. Подъ конецъ онъ не выдержалъ и воскликнулъ:

— Вотъ-бы намъ съ Марусей пріѣхать къ вамъ на лѣто!

Женя и Дима переглянулись.

— А знаешь? отвѣтилъ Дима.—Я попрошу моего папу и онъ возьметъ съ собою и васъ! Правда, Женя? Намъ будетъ очень весело вчетверомъ.

У Жени засверкали отъ радости глаза. Вася-же грустно вздохнулъ.

— А какъ-же мама и папа? спросилъ онъ.

Но у Димы уже былъ готовъ отвѣтъ:

— Ну, что-же! воскликнулъ онъ.— Мы возьмемъ и ихъ съ собой!

Послѣ обѣда пришла отъ Сергѣя Андреевича телеграмма. Онъ сообщалъ, что пріѣдетъ въ тотъ-же

день въ шесть часовъ вечера. Всѣ обрадовались, засуетились и рѣшили ѣхать на вокзалъ его встрѣчать. Но Дима заигрался съ Васей и остался съ нимъ дома. Поѣхли только Ѳедоръ Степановичъ и Женя.

Черезъ полчаса послѣ ихъ отъѣзда прислали за Васей Хомутовымъ. Приходила опять Наталья Кириловна, взяла его за руку и они пѣшкомъ отправились домой.

— Ты-же скажи своей мамѣ, крикнулъ ему вслѣдъ Дима, — чтобы она отпустила тебя и Марусю къ намъ на лѣто!

— Хорошо, я скажу! отвѣтилъ ему Вася и они повернули за уголъ и скрылись.

Возвратились Сергѣй Андреевичъ, Женя и Ѳедоръ Степановичъ съ вокзала. Всю дорогу Женя щебетала, какъ ласточка, рассказывала о своемъ путешествіи по Волгѣ и о знакомствѣ съ семьей Хомутовыхъ. Тутъ же, на извозчикѣ, она стала упрашивать Сергѣя Андреевича, чтобы онъ пригласилъ Васю и Марусю къ себѣ. Онъ слушалъ ее, улыбался и шутилъ надъ нею, хотя въ глазахъ его свѣтилось какое-то безпокойство. Видимо было, что онъ чѣмъ-то былъ очень озабоченъ.

— Ну, что-же, дядя, пригласишь? — спросила она его, когда они подъѣзжали уже къ дому.

— Приглашу, приглашу! — отвѣтилъ онъ ей, чтобы только отдѣлаться отъ ея просьбъ. — Развѣ я могу не

исполнить того, о чемъ ты меня просишь?

Она бросилась къ нему на шею и крѣпко его обняла.

Тѣмъ временемъ извозчикъ остановился у воротъ. Женя спрыгнула съ него первая и побѣжала впередъ.

— Дядя пріѣхалъ! — закричала она. — Дима, гдѣ ты? Иди встрѣчать папу!

Дима выбѣжалъ изъ комнаты и опрометью бросился къ отцу за ворота.

— А гдѣ-же Вася? обратилась къ нему Женя, когда онъ вмѣстѣ съ отцомъ возвратился снова въ комнаты.

— Онъ ушелъ, отвѣтилъ Дима. — За нимъ приходила его няня и увела его домой. Такая славненькая, невысокая старушка!

Наталья Кириловна тоже была славненькая, невысокая старушка, Женя вспомнила о ней и задумчиво спросила:

— А какъ ее зовутъ?

— Не знаю!.. отвѣтилъ Дима и сталъ распаковывать отцовскій багажъ.

Сергѣй Андреевичъ сообщил своимъ домашнимъ, что ему удалось покончить уже всѣ свои дѣла, что придется задержаться развѣ только здѣсь, въ Ярославлѣ, на три—четыре дня и что въ концѣ недѣли, вѣроятно уже въ четвергъ или въ пятницу, они всѣ отправятся къ себѣ домой въ усадьбу. Женя торжествовала; скоро она увидитъ поля, лѣса

и старинный паркъ и скоро опять примется за свои кукольные дѣла. А тамъ наступить августъ и она снова пріѣдетъ въ Ярославль и будетъ каждый день бѣгать въ гимназію и мечтать о веснѣ.

Весь вечеръ Сергѣй Андреевичъ продолжалъ быть озабоченнымъ, а затѣмъ онъ заперся съ Федоромъ Степановичемъ въ его комнатѣ и они долго о чемъ-то таинственно разговаривали. По отдѣльнымъ словамъ, долетавшимъ оттуда до дѣтей, они поняли, что Сергѣя Андреевича очень обезпокоила телеграмма Нины Петровны, изъ Ильинскаго, о томъ, что пріѣхаль неожиданно Аркадій и поселился на деревнѣ у Егоровны.

— Вѣдь онъ считаетъ себя единственнымъ наслѣдникомъ покойнаго инженера Кирсанова! донесся до Жени и Димы голосъ Сергѣя Андреевича. Какъ бы онъ не задумалъ отнимать всего отъ Нины Петровны! Вѣдь онъ можетъ оставить ее нищей! И почему онъ остановился не у насъ, а у Егоровны? Ясно, что сразу-же становится съ нами во враждебныя отношенія!

Возвратившись домой, Вася Хомутовъ передалъ своей мамѣ обо всемъ, что говорили ему о поѣздкѣ въ Ильинское Женя и Дима. Ольга Ивановна подумала и сказала:

— Конечно, это было бы для насъ очень хорошо! Развѣ пріятно оставаться въ городѣ на все лѣто?

Но она не придала большого значенія словамъ Васи и потому не со-

чала нужнымъ продолжать объ этомъ разговоръ.

На слѣдующій день Марусю вывели на воздухъ. Слабенькая, блѣдная, только что оправившаяся отъ болѣзни, она какъ сѣла на лавочку въ саду, такъ съ ней и не вставала цѣлые полтора часа. Только къ вечеру она почувствовала наконецъ себя въ силахъ и стала робко и неувѣренно бѣгать съ Васей. Около нихъ все время была няня Наталья Кирилловна, вязала свой безконечный чулокъ и то и дѣло задавала себѣ вопросы: кто это окликнулъ ее тогда, когда она ѣхала съ Марусей въ больницу въ каретѣ?

Этотъ вопросъ не давалъ ей покоя съ самага дня встрѣчи, и чѣмъ больше она думала о Женѣ, тѣмъ все болѣе и болѣе приходила къ убѣжденію, что это была именно она.

— Навѣрное Самъ Господь хочетъ, чтобы мы встрѣтились, думала она и крестилась:—на все Его святая воля.

Прошло четыре дня, и Сергѣй Андреевичъ уже засбирался домой въ Ильинское. Отъѣздъ въ усадьбу былъ назначенъ на пятницу, и дѣти радовались, укладывали вещи, мечтали о предстоящей поѣздкѣ и въ то же время волновались, что за все это время имъ такъ и не удалось еще разъ повидаться съ Васей и Марусей и устроить такъ, чтобы и они поѣхали вмѣстѣ съ ними на лѣто въ Ильинское; была послана телеграмма Нинѣ Петровнѣ, чтобы она

выслала на пристань лошадей и ожидала приѣзда новыхъ гимназиста въ форменной фуражкѣ и двухъ гимназистовъ въ коричневыхъ платьяхъ въ субботу около двухъ часовъ дня. Сдавши телеграмму, всѣ вмѣстѣ отправились съ почты погулять по набережной и поглядѣть на Волгу. Сергѣй Андреевичъ шель впереди съ Женей и Вѣрочкой, а позади ихъ шли Федоръ Степановичъ съ Димой и разговаривали объ устройствѣ телеграфа. Спускался вечеръ, солнце садилось, и длинныя тѣни отъ деревьевъ тянулись поперекъ бульвара. Собиралась публика. Музыканты—солдаты съ мѣдными трубами, сверкавшими на солнцѣ, прошли къ

садику, чтобы начать играть. Пахло пылью и прохладой, поднимавшейся отъ воды.

— А вонъ идетъ Вася Хомутовъ! воскликнулъ вдругъ Дима.—Съ нимъ его мама и сестра!

— Гдѣ? Гдѣ? вскрикнула Женя и оглянулась по сторонамъ.

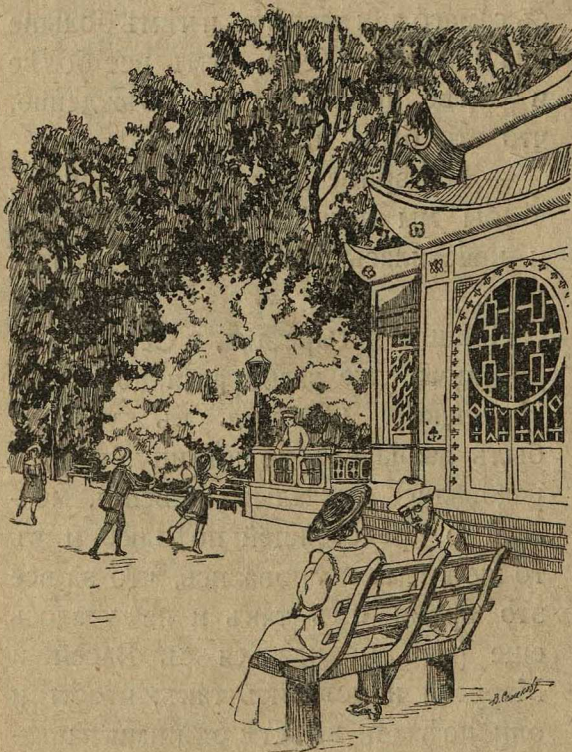
— Вонъ-вонъ! Видишь—въ розовыхъ платьяхъ? Входятъ въ садикъ! Женя съ восторгомъ бросилась къ Ольгѣ Ивановнѣ на встрѣчу. Завидѣвъ ее, и Маруся тоже побѣжала къ ней.

— Здравствуйте! Здравствуйте! слышались восклицанія съ обѣихъ сторонъ:—какъ поживаете? Какъ здоровье Маруси?

Ольга Ивановна подошла съ дѣтьми къ Сергѣю Андреевичу.

— Дядя,—обратилась къ нему Женя:—это мама Васи и Маруси!

Сергѣй Андреевичъ съ глубокой почтительностью поклонился Ольгѣ Ивановнѣ. Они заговорили о дѣтяхъ, о дифтеритѣ Маруси, о гимназіяхъ, и знакомство ихъ, начавшееся такъ просто и безъискусственно, съ первой же минуты подало надежду на то, что будетъ продолжительнымъ и прочнымъ. Какъ это часто бываетъ между хорошими людьми, они сразу-же почувствовали другъ къ другу довѣріе и расположение; Ольга Ивановна усѣлась рядомъ съ Сергѣемъ Андреевичемъ, и пока дѣти бѣгали всѣ вмѣстѣ по саду ивесело играли, они вели ме-

Разговаривали они долго о разныхъ разностяхъ...

Въ укромномъ мѣстечкѣ.

жду собой разговоръ. Разговаривали они долго, о разныхъ разностяхъ, о томъ, какъ теперь стало трудно воспитывать дѣтей, о дачной жизни,—и вдругъ Сергѣй Андреевичъ вспомнилъ о томъ, какъ его просила Женя пригласить Хомутовыхъ къ себѣ въ Ильинское, немного помялся и сказалъ:—

— А вотъ если-бы вы пожаловали всѣмъ семействомъ къ намъ въ усадьбу на лѣто, то это было бы очень хорошо.

Вечеръ совсѣмъ уже спустился, поднималась пыль на спускѣ къ Волгѣ, но на набережной было свѣжо и хорошо. Играла музыка и взадъ и впередъ ходили гулявшіе. Внизу у самой рѣки, вдоль пристаней, протянулись вереницы извозчиковъ и ожидали прибытія паромовъ. Пахло водою и свѣжей, молодой листвою деревьевъ.

— Ну мнѣ пора! сказалъ наконецъ Сергѣй Андреевичъ и поднялся съ мѣста.

Онъ и Ольга Ивановна направились вмѣстѣ къ бѣгавшимъ дѣтямъ, заставили ихъ проститься между собою, простились сами и разошлись въ разныя стороны...

— Ну что, дядя? обратилась къ Сергѣю Андреевичу Женя, когда они шли уже домой.—Ты ничего, не говорилъ имъ объ усадьбѣ?

— Нѣтъ, говорилъ! отвѣтилъ онъ.

— И что-же они?

Сергѣй Андреевичъ какъ-то плутовски улыбнулся и продолжалъ:—

— Ольга Ивановна сказала, что придетъ къ намъ на будущей недѣлѣ вмѣстѣ съ Марусей и Васей и проживетъ у насъ до конца лѣта.

— Ты это не шутишь?

— Нѣтъ!

Женя поглядѣла ему въ самые глаза, убѣдилась, что онъ дѣйствительно не шутитъ, и тутъ-же на улицѣ, стала отъ радости прыгать.

Дима послѣдовалъ ея примѣру.

Возвратившись домой, они стали укладываться и весь вечеръ проболтали о томъ, какъ имъ теперь будетъ весело въ усадьбѣ вчетверомъ и какъ они будутъ теперь бѣгать по парку, по лугамъ, по лѣсамъ и собирать цвѣты и грибы.

На слѣдующій вечеръ они уже стояли на балконѣ парохода и отплывали домой. Ярославль удалялся отъ нихъ съ каждымъ оборотомъ колеса, и скоро зеленые берега потянулись у нихъ съ обѣихъ сторонъ. Женя стояла у кормы, глядѣла на блиставшія главы церквей и еще долго мелькалъ ей вдаль платокъ Васи, который стоялъ на пристани, провожалъ ихъ и во все горло кричалъ:—

— До свиданія! Счастливаго пути! Скоро увидимся!

А затѣмъ утонулъ въ туманной дали и онъ.

Вечерѣтъ. Тѣни сгущаются надъ Волгой и ея берегами и кое-гдѣ на баржахъ и на плоткахъ, встрѣчающихся по пути, зажигаются огоньки и отражаются въ плесахъ воды. Женя

сходитъ внизъ, укладываетъ Вѣрочку и Диму, раздѣвается сама, ложится въ койку и засыпаетъ.

— Завтра уже будемъ дома... шепчетъ она въ полуснѣ.

И ей рисуются картины усадьбы. Прасковья, Нина Петровна, комнаты и паркъ; она бѣжитъ по парку, ее догоняютъ Вася, Маруся и Дима, она хочетъ спрятаться отъ нихъ въ кусты, но туманъ заволакиваетъ ей глаза, все смѣшивается, спутывается и исчезаетъ.

Она спитъ крѣпкимъ сномъ.

— Вставай! Приѣхали! вдругъ раздается около нея голосъ.

Она открываетъ глаза и видитъ передъ собою Диму. Онъ тормозитъ ее, вытаскиваетъ изъ-подъ ея головы подушку, но ей еще хочется спать и глаза закрываются сами собою.

— Вставай-же, засоня! продолжаетъ Дима.—Уже наша пристань!

Она поднимается, протираетъ глаза и убѣждается, что пароходъ дѣйствительно стоитъ у пристани. Шестъ часовъ утра, свѣтитъ яркое солнце и съ берега доносится звонъ колокола. Надъ головою раздаются тяжелые шаги носильщиковъ, разгружающихъ пароходъ, и слышно, какъ вода плещется объ его бока:

— Шлепъ, шлепъ, шлепъ...

Неужели уже доѣхали? Неужели уже пора вылезать изъ парохода?

Женя вскакиваетъ, умывается и принимается за укладыванія вещей. Сергѣй Андреевичъ и Ѳедоръ Сте-

пановичъ уже на палубѣ и распоряжаются выгрузкой багажа. На берегу стоитъ тройка лошадей изъ Ильинскаго и позвякиваетъ бубенчиками. Кучеръ Гаврила укладываетъ вещи въ тарантасъ и когда Женя выходитъ изъ парохода, то онъ узнаетъ ее и лицо его осклабляется въ радостную улыбку.

— Здравствуйте, барышня! говоритъ онъ.—Здравствуйте, матушка! Какъ изволили прокатиться? Здоровы ли вы?

Въ избыткѣ радости она протягиваетъ къ нему губы, но онъ не смѣетъ ее цѣловать, а потомъ рѣшается, вытираетъ рукавомъ губы и усы, снимаетъ шапку съ павлиньими перьями и три раза цѣлуется съ нею такъ, точно они христосуются.

Но вотъ вещи уже уложены, Сергѣй Андреевичъ, Ѳедоръ Степановичъ и дѣти садятся въ тарантасъ—и лошади трогаются въ путь. Звенить подъ дугой колокольчикъ, бренчать бубенцы и отъ тарантаса вкусно пахнетъ дегтемъ и кожей. Этотъ запахъ смѣшивается съ запахомъ травы, листьевъ березъ и хвоевъ сосны во что-то очень сложное, съ чѣмъ не могутъ сравниться никакія драгоценныя духи.

— Все благополучно? задаетъ Сергѣй Андреевичъ Гаврилѣ вопросъ, когда они уже далеко отъѣзжаютъ пристани.

— Такъ точно, отвѣчаетъ Гаврила.—Все въ своемъ порядкѣ. На Вознесенье, на прошлой недѣлѣ, батю-

шка съ крестомъ пріѣзжалъ, молебень у насъ въ домѣ служилъ. У Прасковьи зубы болѣли, да прошли. Барбоска щенковъ привела... четверо штукъ. Да вотъ какой-то баринъ къ намъ пріѣхалъ... Остановился у Егоровны на деревнѣ, а къ намъ зайти не захотѣлъ. Прожилъ у нея съ недѣлю, а вчера и слѣдъ его простылъ... Уѣхалъ неизвѣстно куда...

Это онъ говорилъ про Аркадія. Сергѣй Андреевичъ насторожился.

— А какой онъ изъ себя? спросилъ онъ.

— Да какъ сказать? Бороды нѣту, сбрита; а усы есть. Одѣтъ словно-бы въ рясу, а не въ пальто, только ни на попа, ни на дьякона не похожъ.

Всѣ засмѣялись на такое описаніе, но болѣе не спрашивали Гаврилу.

Женю больше занимали появившіеся въ ея отсутствіе на свѣтъ щенки и она уже мечтала, какъ будетъ ихъ воспитывать и какъ научить ихъ быть почтительными собаками.

— Такъ ты говоришь, вдругъ снова обратился Сергѣй Андреевичъ къ кучеру, — что этотъ самый баринъ уже уѣхалъ?

— Такъ точно, отвѣтилъ Гаврила по-солдатски. — Какъ сквозь землю провалился! Пожилъ съ недѣлю и уѣхалъ, точно его и вовсе не бывало!

Сергѣй Андреевичъ съ облегченіемъ вздохнулъ.

— Ну, и славу Богу!.. сказалъ онъ тихонько.

Солнце поднимается все выше и выше, и становится жарко. Съ большой дороги путники сворачиваютъ вправо и уже по проселку. ныряя въ рытвинахъ и подскакивая на кочкахъ, продолжаютъ свой путь. Летаютъ стрекозы, трещатъ кузнечики и высоко въ небѣ раздаются трели жаворонковъ. Женя сбрасываетъ съ себя назадъ шляпу и обмахивается платкомъ. Дима истомленъ жарою, качается на козлахъ и дремлетъ. Ѳедоръ Степановичъ и Сергѣй Андреевичъ переговорили уже обо всемъ и тоже ихъ клонить ко сну. Но спать уже не приходится, такъ какъ черезъ пять—шесть верстъ они пріѣдутъ уже домой. Усталыя лошади отмахиваются отъ слѣпней и мухъ и тоже чуютъ, что скоро будетъ домъ, и бѣгутъ веселѣе. Гаврилъ уже надоѣло править, онъ помахиваетъ кнутомъ и то и дѣло вскрикиваетъ:

— Эхъ, вы, милыя! Скоро отдыхать будемъ! Но-о, голуби!

Сергѣй Андреевичъ, Ѳедоръ Степановичъ, Дима и даже Вѣрочка не въ состояніи преодолѣть дремоту и закрываютъ глаза. Одна только Женя съ нетерпѣніемъ ожидаетъ, когда покажутся вдругъ изъ-за деревьевъ знакомыя зеленыя крыши дома и службъ и выбѣгутъ навстрѣчу Барбоска, Шарикъ и Волчекъ и, не разобравши, что ѣдутъ свои-же, начинаютъ громко лаять.

Женя смотритъ впередъ и по бокамъ дороги и чувствуетъ, какъ отъ нетерпѣнія начинаетъ стучать ея

сердце. Вотъ мостикъ. Сейчасъ за этимъ мостикомъ еловый лѣсокъ, а за нимъ уже и усадьба. Тарантасъ съ громомъ переѣзжаетъ черезъ этотъ мостикъ, минуетъ лѣсокъ и вотъ передъ Женей открывается вся усадьба, какъ на ладони. Заслышавъ звонки, изъ нея выбѣгаютъ всѣ дворовые. Вотъ постушонокъ Бориска машетъ имъ картузомъ, вотъ стоитъ Прасковья, а вонъ-вонъ на балконѣ стоитъ сама Нина Петровна, и издали машетъ имъ платкомъ.

—Здравствуй, Ильинское! Здравствуйте, всѣ его милые обитатели!

Какъ Женя соскучались по васъ и съ какимъ удовольствіемъ сейчасъ повидается съ каждымъ изъ васъ, точно вы всѣ—ея самые близкіе, самые закадычные друзья!

Тарантасъ съ шумомъ подкатываетъ къ крыльцу. Женя первая выскакиваетъ изъ него, бѣжитъ домой, наталкивается въ немъ на Нину Петровну и вѣшается ей на шею.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Потомъ она отпускаетъ ее, бросается на шею къ Прасковьѣ и, изливъ свои первые восторги свиданія, бѣжитъ къ новорожденнымъ щенкамъ...

Теперь-то ей будетъ съ кѣмъ повозиться!

А въ это время Сергѣй Андреевичъ отводитъ Нину Петровну къ себѣ въ кабинетъ, они запираются тамъ и тихонько разговариваютъ.

Они говорятъ объ Аркадіи.

— Что-то будетъ, что-то будетъ? вздыхаетъ Прасковья.

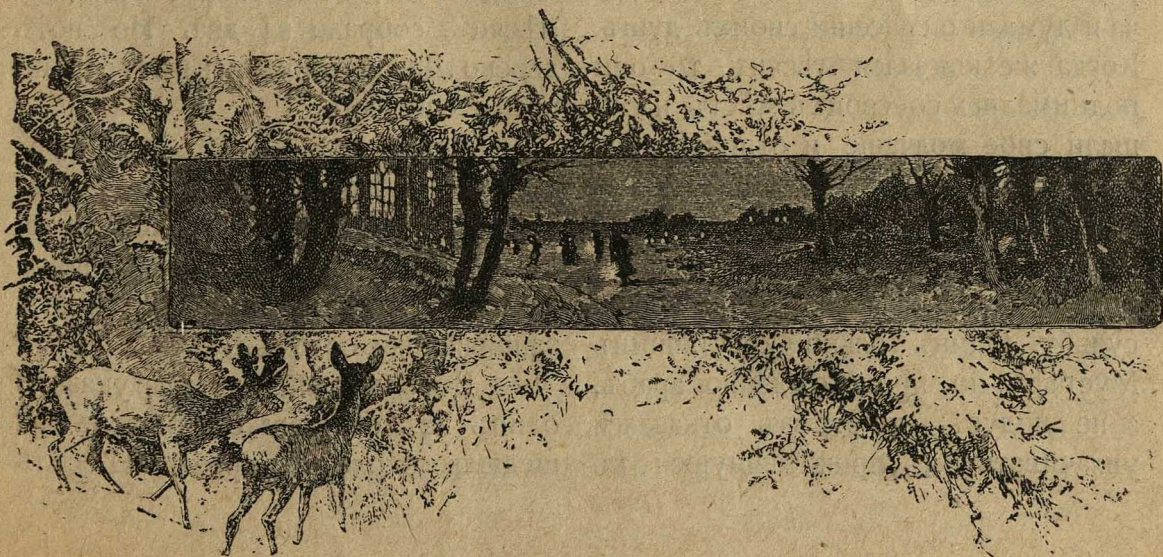
И ей вторитъ старый садовникъ и тоже вздыхаетъ:

— Да... говоритъ онъ.— Не даромъ Аркадій Ивановичъ вдругъ объявился! Послѣ нашего покойнаго барина только онъ одинъ наслѣдникомъ и остался!..

Женя слышитъ эти вздохи и разговоры, но не обращаетъ на это вниманія.

Она слишкомъ занята щенками.

К. Тр.—

ПЕРЕСЕЛЕНІЕ ДУШИ.

Сказка.

Это происходило въ Индіи, въ Бенгальской имперіи, въ тѣ далекія времена, когда мои прапрадѣдушки еще ходили подъ столами пѣшкомъ. Тамъ тогда, невдалекѣ отъ одной богатой деревни, окруженной рисовыми полями, находился небольшой монастырь, въ которомъ спасалось нѣсколько буддійскихъ монаховъ. По мнѣнію послѣдователей буддійской религіи, душа каждаго грѣшнаго чело-вѣка, что бы искупить его грѣхи, переселяется послѣ его смерти въ какое-нибудь низшее животное, на-примѣръ въ лошадь или въ осла. Эти бѣдныя животныя уже на своей спинѣ и на бокахъ и расплачиваются за грѣхи умершаго грѣшника.

Монастырекъ не нуждался ни въ чемъ, потому что въ пользу его было обложено поборами сосѣднее селеніе, и все его монахи не дѣлали ровно ничего, а только сидѣли молча и думали о спасеніи своихъ душъ. Когда же кончался мѣсяць, то они поднимались со своихъ мѣсть, нарушали свое молчаніе и отправлялись въ селеніе за причитающимися съ каждаго крестьянина поборами. И монахи оставались довольными, и крестьяне не жаловались на свою судьбу. Одинъ только крестьянинъ Мустафа, по происхожденію арабъ, а не индусъ, на-отрѣзъ отказался уплачивать имъ причитавшуюся съ

него часть. Онъ говорилъ, что онъ не буддистъ, а масульманинъ, и потому не обязанъ содержать монаховъ чужой для него вѣры. Монахи на него сердились и угрожали ему вѣчными мученіями во образѣ ящерицы или клопа, но онъ оставался непреклоннымъ.

Однажды два монаха изъ этого монастырька возвращались изъ селенія къ себѣ домой, обремененные и деньгами, и съѣстными припасами, которые имъ удалось собрать съ мѣстныхъ крестьянъ. Дорога была гористая, было жарко, и они отъ усталости еле волочили ноги. Потъ градомъ катился по ихъ лицамъ, а они не прошли еще и половины пути.

— Какъ сегодня далеко до нашего монастыря! сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Это оттого, что мы нынче перусердствовали, отвѣтилъ другой, — и вмѣсто того, чтобы собрать за одинъ мѣсяць, собрали за два. Но вотъ дерево. Давай отдохнемъ въ его тѣни, время еще есть!

— Давай!

Они присѣли отдохнуть, но въ это время послышался стукъ колесъ телѣги. И дѣйствительно, скоро показалась на той-же дорогѣ колымага, запряженная осломъ.

— Вотъ негодяй Мустафа! указалъ одинъ изъ братьевъ буддистовъ на шедшаго около нея араба. — И осель

этотъ его. Если я не ошибаюсь, то онъ тоже направляется въ сторону нашего монастыря. Вотъ было-бы хорошо взвалить на его осла нашу ношу. Пускай онъ ее везетъ!

— Что ты, что ты, братъ Бхарата! испугался другой.— Да вѣдь Мустафа нашъ врагъ! Онъ не согласится ни за что на свѣтъ!

— Ты очень наивенъ, братъ-Пульна, продолжалъ первый.— Развѣ можно отказываться отъ такого удобнаго случая? Разъ этотъ негодяй Мустафа отказывается выплачивать намъ свою часть, то пусть онъ по крайней мѣрѣ, хоть поможетъ намъ въ другомъ отношеніи! Сейчасъ я безъ всякаго разговора отберу отъ него осла, взвалю на него эти мѣшки и погоню его къ монастырю! Что на него глядѣтъ? Пускай ужъ онъ тамъ самъ разговариваетъ съ нашимъ настоятелемъ! Онъ ему покажетъ!

— Но вѣдь и онъ самъ тоже послѣдуетъ за своимъ осломъ! возразилъ Пульна.— Неужели ты думаешь, что Мустафа уступитъ намъ его добровольно? Какъ-бы онъ по дорогѣ не причинилъ намъ неприятностей!..

— Ужъ ты положишься на меня! Я все обдѣлаю превосходно! Самъ же еще останешься доволенъ! Только намъ нужно отъ него поскорѣе спрятаться, чтобы онъ насъ не замѣтилъ.

И оба друга легли на животы и поползли къ кустарнику, въ которомъ и скрылись.

Мустафа подѣхалъ къ дереву,

остановился, оглядѣлся кругомъ и вытащилъ изъ-за пояса топоръ.

— Эге! сказалъ онъ съ удовольствіемъ.— Да здесь много сухихъ пеньковъ и вѣтокъ! Надо ихъ рубить и отвезти домой! Пригодятся на топливо!

И онъ распрегъ осла, привязалъ его къ дереву и принялся за работу. Трудился онъ долго и съ большимъ терпѣніемъ. Все время братья-монахи слѣдили за нимъ изъ своей засады. Онъ наполнилъ телѣгу до половины, встряхнулся, размялъ члены, стеръ со лба потъ и снова съ увлеченіемъ принялся за работу.

— Ну, теперь пора! обратился къ товарищу братъ Бхарата.— Онъ такъ увлекся своей работой, что и не замѣтитъ, какъ мы его и обрабатываемъ! Бери скорѣе наши мѣшки, нагрузай ихъ на осла и гони его скорѣе къ монастырю! Только оставь на деревѣ уздечку!

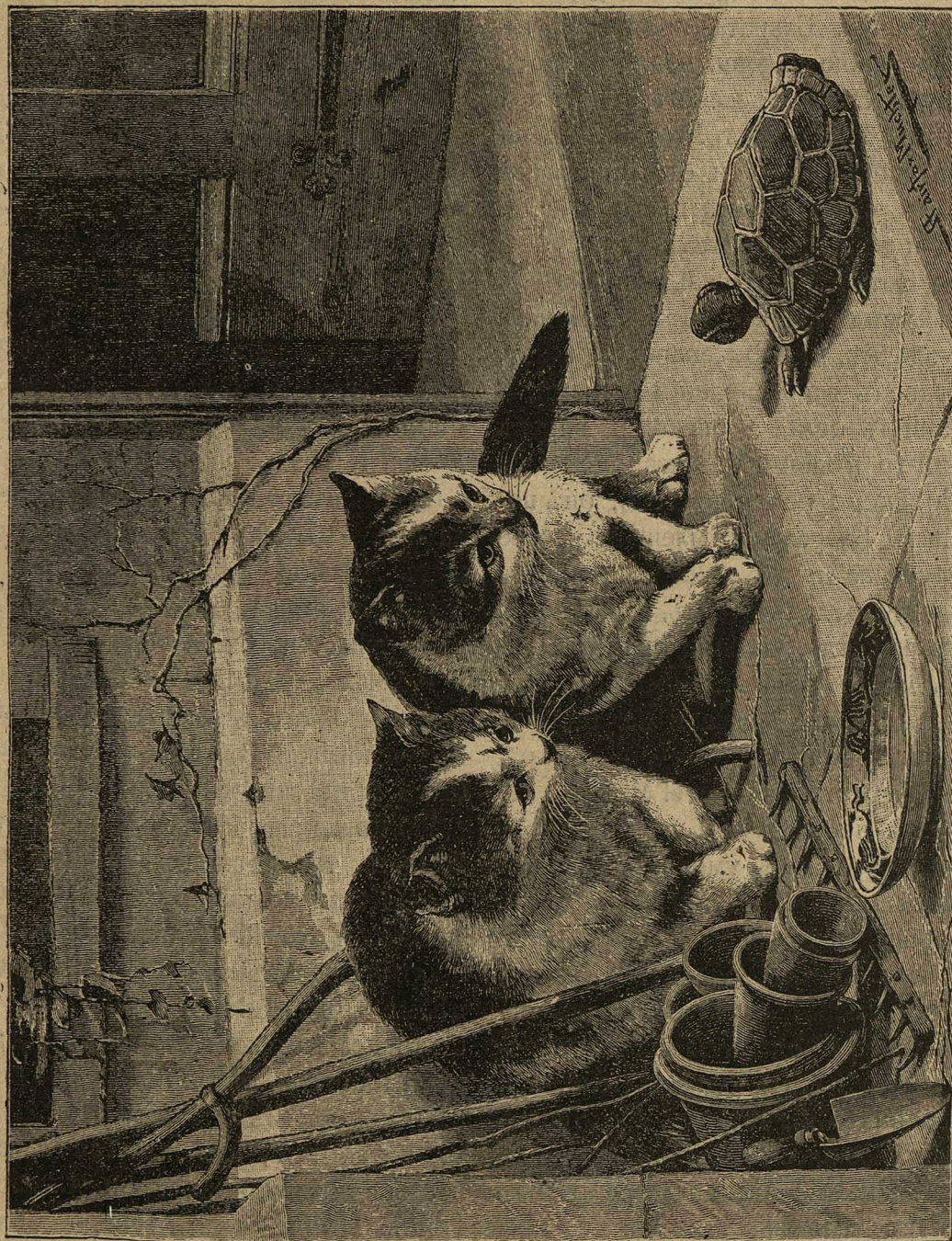
— Великое небо! воскликнулъ въ недоумѣніи братъ Пульна.— Да вѣдь Мустафа можетъ хватиться его, пуститься за нами въ погоню и больно отколотить насъ палкой!

— Не бойся ничего братъ мой, успокоилъ его Бхарата.— Поскорѣе нагрузай мѣшки и во весь духъ гони его къ монастырю!

Пульна повиновался, взвалилъ на ослика кладъ и скоро скрылся съ нимъ за выступомъ скалы. Бхарата остался одинъ. Оглядѣвшись и убѣдившись, что Мустафа все еще не замѣчаетъ ничего, онъ подошелъ къ

На вершинахъ горъ.

Невиданный зверь

дереву, къ которому былъ привязанъ осель. На немъ все еще висѣла уздечка. Бхарата просунулъ въ нее свою голову, взялъ въ ротъ траву и сталъ ее жевать.

Тѣмъ временемъ Мустафа окончилъ свою работу и отправился за осломъ, чтобы отвязать его отъ дерева и запречь въ телѣгу.

— Вотъ такъ штука! воскликнулъ онъ, увидѣвъ вмѣсто осла монаха въ уздечкѣ, мирно жевавшаго траву, и развелъ въ удивленіи руками.— Оставилъ осла, а оказался вдругъ какой-то нищій-человѣкъ!

Но, скоро придя въ себя, онъ хлопалъ Бхарату по плечу и весело ему сказалъ:-

— Ну, будетъ шутить, товарищъ!.. Мнѣ некогда. Скажи, куда ты дѣвалъ моего осла?

— Да я его вовсе и не видалъ, отвѣчалъ Бхарата.

— Перестань болтать! Увѣряю тебя, мнѣ некогда!

— Другъ мой, умоляю тебя, выслушай меня! За мои грѣхи я былъ превращенъ въ осла. Я былъ раньше человѣкомъ, очень грѣшилъ, потомъ умеръ, превратился въ осла и былъ проданъ на скотской ярмаркѣ тебѣ. Ты купилъ меня, и я долго на тебя работалъ. Но теперь Будда сжалился надо мной, принялъ мое раскаяніе и снова превратилъ меня въ человѣка...

— Ладно разговаривай!.. Такъ я тебѣ и повѣрилъ!.. Нечего рассказывать сказки. Меня не обманешь,

вѣдь я мусульманинъ!.. Если ты дѣйствительно былъ осломъ, такъ иди-ка за мной! Ты поговоришь съ моей женой!

И арабъ отвязалъ Бхарату отъ дерева, запрегъ его въ телегу и заставилъ его везти ее къ себѣ домой.

— Но-но-но!.. понукалъ онъ его.— Нечего тутъ!. Вези, коли велятъ!

Когда онъ подѣхалъ къ своему дому, то къ нему навстрѣчу выбѣжала его жена Селика, да такъ и обомлѣла, увидѣвъ, что онъ везъ дрова и ѣхалъ самъ на челѣвкѣ.

— Развѣ это можно? воскликнула она.— Вѣдь тебя за это накажетъ Аллахъ!

Но Мустафа объяснилъ ей, въ чемъ дѣло, и она успокоилась.

— Чѣмъ-же я виновата, сказалъ онъ,—что осель самъ превратился въ челѣвка! Вѣдь долженъ-же я былъ привезти дрова домой!

Но когда заговорилъ съ нею самъ Бхарата, то она снова заволновалась.

— Какъ! воскликнула она.— Возможно ли это? И мы ѣздили на тебѣ. добрый челѣвкъ, сами и возили цѣлые три года! Къ тому-же, ты былъ всегда такой упрямый, что мы колотили тебя, чѣмъ, попало, по спинѣ и по бокамъ!.. Чтобы заставлять тебя работать, мы хлестали тебя плетью и тянули за твои длинные уши... Но какъ-же теперь быть? Кто намъ отдастъ теперь тѣ деньги, которыя мы уплатили за тебя тогда на ярмаркѣ? Вѣдь мы люди бѣд-

ные!.. Оттого, что ты превратился въ человѣка, мы должны теперь понести убытокъ! Изволь-ка уплатить за себя деньги!

Бхарата обрадовался.

— Ну, вотъ и отлично! отвѣтилъ онъ:— Я— монахъ изъ сосѣдняго монастыря. За твоимъ мужемъ числится должокъ: онъ не желаетъ платить на наше содержаніе, такъ вотъ теперь мы квиты!

И онъ снялъ съ своей головы уздечку и, пожелавъ супругамъ, добраго вечера, отправился къ себѣ въ монастырь.

Они остались безъ осла, сѣли на порожекъ и долго молчали.

— О чемъ ты задумался? обратилась, наконецъ, къ Мустафѣ жена.

— Да, тутъ есть о чемъ задумать!.. отвѣтилъ онъ угрюмо. Чѣмъ больше я соображаю объ этомъ происшествіи, тѣмъ все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что это отцы-пустынники сыграли со мною штуку, что я отказывался имъ платить. Черезъ мѣсяць снова будетъ въ городѣ базаръ, и они опять пріѣдутъ сюда за поборами. Навѣрно они пошлютъ моего осла на базаръ продавать и вырученныя за него деньги заберутъ себѣ въ счетъ моего долга. Но ладно! Я тоже пойду туда и если найду тамъ своего длинноухаго осла, то не будь я Мустафа, если я не приведу его съ собой сюда обратно!..

Прошелъ мѣсяць. Рано утромъ, Мустафа выпросилъ у сосѣда его

лошадь, сѣлъ на нее верхомъ и поѣхалъ на базаръ.

Не успѣлъ онъ пріѣхать туда, какъ тотчасъ-же увидѣлъ тамъ своего осла. Его держалъ за уздечку какой-то молодой человѣкъ, очевидно, одинъ изъ служившихъ при монастырѣ, и во все горло кричалъ:—

— Вотъ продается осель! Люди добрые, покупайте осла! Кому нуженъ осель? Во всей нашей Бенгаліи не найдется другого такого-же, какъ этотъ!

Мустафа слѣзъ съ лошади, подошелъ къ ослу и сталъ его осматривать. Какъ только осель узналъ своего хозяина, онъ сталъ отъ радости трясти головой, поводить ушами, прыгать на мѣстѣ—однимъ словомъ, выказывать тысячи признаковъ, по которымъ Мустафа могъ съ увѣренностью сказать, что онъ принадлежалъ ему.

— Сколько ты за него спрашиваешь? обратился онъ къ молодому человѣку, который даже и не подозревалъ, что это-то и есть настоящій хозяинъ осла.

— Двѣ рупіи, отвѣтилъ тотъ.

— За такую-то дрянь? Да ты надо мной смѣешься!..

— Ты ошибаешься, мой другъ, продолжалъ молодой человѣкъ.— Это такой великолѣпный осель, на которомъ можетъ ѣздить даже самъ нашъ великій судья!

— Ну, это еще посмотримъ!.. Я держу пари, что ты не проѣдешь на

немъ и двухсотъ шаговъ. Онъ оклѣветъ подь тобой и растянется на мѣстѣ. Хочешь держать пари на два секина?

Молодому человѣку очень хотѣлось получить двѣ предложенныя Мустафой монеты и онъ согласился.

«Вѣдь я пріѣхалъ-же на этомъ ослѣ изъ самага монастыря», подумалъ онъ:—«Неужели же онъ, не провезетъ меня на себѣ и двухсотъ шаговъ?»

Онъ сѣлъ на осла, Мустафа вскочилъ на лошадь, они поѣхали рядомъ. Когда они отѣхали немного отъ базара, то Мустафавыхватилъ изъ рукъ молодого человѣка уздечку, нахлесталъ лошадь и осла, и они понеслись во весь галопъ. Извѣстно, что ослы не могутъ скакать во всю прыть и поддають задними ногами. Осель поддалъ, молодой человѣкъ свалился съ него и остался лежать на землѣ, въ то время какъ Мустафа все скакалъ и скакалъ и наконецъ доѣхалъ до своей деревни.

— Ну, Селика, обратился онъ къ своей женѣ,—вотъ и осель нашъ дома! Теперь не надо быть ротозѣемъ и нужно глядѣть въ оба глаза, а то эти почтенные господа отберуть его отъ насъ опять!..

Тѣмъ временемъ и Бхарата и Пульна снова пришли въ селеніе за поборами. Обойдя всѣ дома и всюду получивъ подаеніе, они по обыкновенію нагрузили на себя цѣлые мѣшки, набрали цѣлые кошели мѣд-

ныхъ денегъ и отправились къ себѣ обратно въ монастырь.

Мустафа все время за ними слѣдилъ и, выждавъ когда они вышли за селеніе, вскочилъ на своего осла, выѣхалъ впередъ и спрятался у знакомаго намъ дерева. Своему ослу онъ приказалъ лечь за камень, такъ что обоихъ ихъ не было видно.

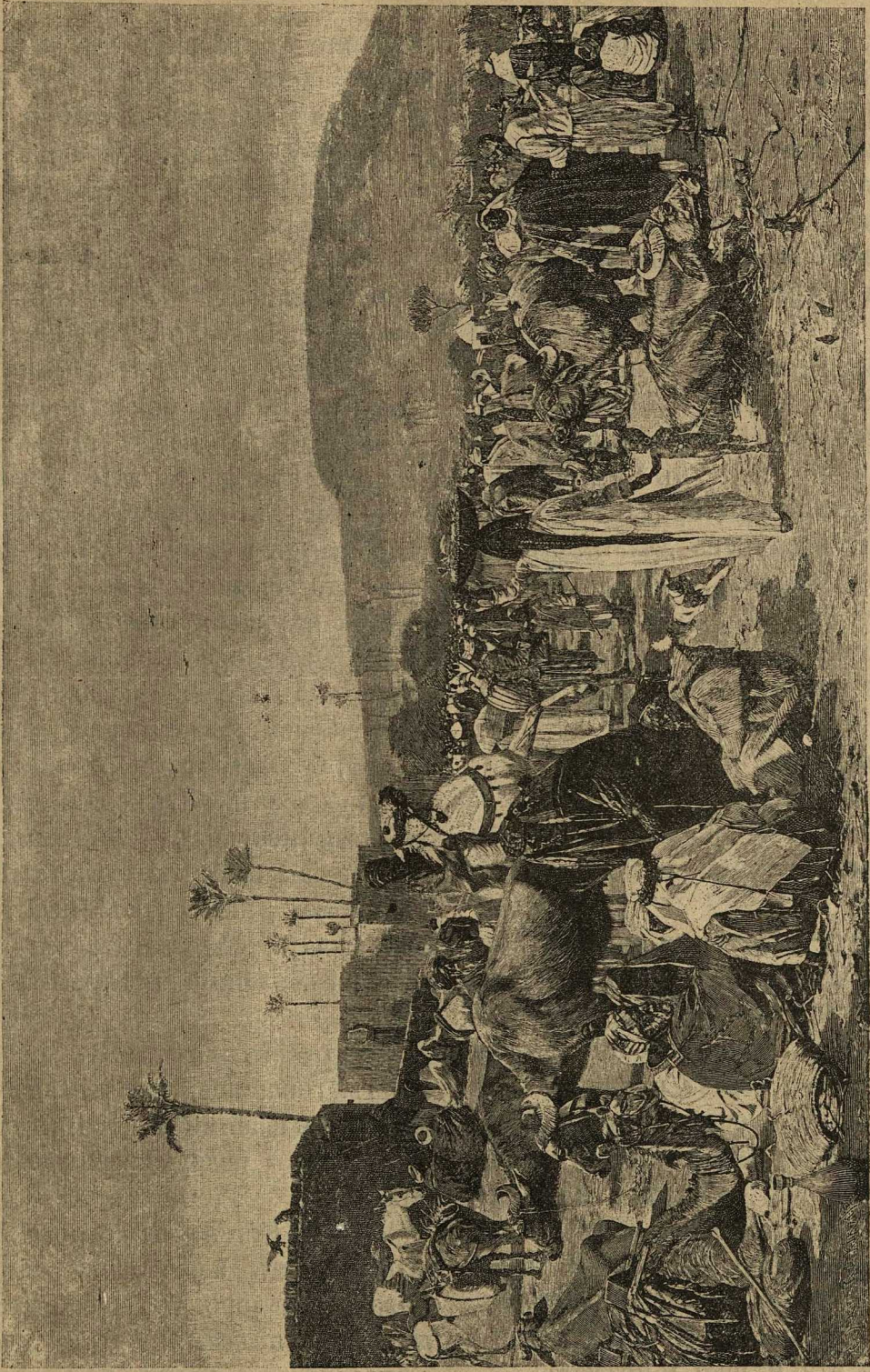
— А хорошо-бы, Пульна, намъ здѣсь отдохнуть!.. обратился Бхарата къ своему спутнику, указавъ на тѣнь отъ дерева.—Дорога еще длинна, жарко, а до вечера еще далеко. Мы успѣемъ еще возвратиться въ монастырь!

— Подожди, отвѣтилъ Пульна,—мнѣ пить очень хочется! Гдѣ-то здѣсь по близости есть ручеекъ. Ты посиди здѣсь, а я пойду поищу его, напьюсь изъ него и возвращусь къ тебѣ обратно!

— Въ такомъ случаѣ пойдёмъ оба! отвѣтилъ ему Бхарата.—Что-то и мнѣ тоже пить захотѣлось. Вѣдь мы на ногахъ съ самого утра! Оставимъ здѣсь наши узлы; здѣсь ихъ никто не тронетъ.

И сваливъ съ себя свою ношу, они отправились вмѣстѣ отыскивать ручей. Не найдя его, они остановились и стали размышлять, какъ имъ быть.

— Вотъ что, сказалъ наконецъ Бхарата.—Ты, Пульна, отправься сейчасъ направо, а я пойду налево. Кто изъ насъ набредетъ первый на ручей, тотъ и пусть крикнетъ. Мы сойдемся опять вмѣстѣ и попьемъ.

Базаръ на Востокѣ.

И они разошлись въ разныя стороны. Этого только и надо было Мустафѣ. Онъ тотчасъ-же выскочилъ изъ своей засады, вывелъ изъ-за камня осла, подвелъ его къ дереву, нагрузилъ на него оставленные монахами мѣшки и кошелъ съ деньгами и погналъ его къ себѣ домой.

Пульна не нашель ручья и пошелъ обратно къ дереву. Не найдя подь нимъ своихъ мѣшковъ, онъ встревожился и сталъ въ недоумѣннн оглядываться по сторонамъ.

— Что-же теперь дѣлать? задалъ онъ себѣ вопросъ.

Но, услышавъ донесшійся до него топотъ ослиныхъ ногъ, онъ побѣжалъ вслѣдъ за Мустафой и скоро его догналъ.

— Ты что-же это сдѣлалъ съ нами? спросилъ онъ его.

Мустафа остановился и съ приторнымъ сочувствіемъ покачалъ головой?

— Вѣдь вотъ какая исторія!.. отвѣтилъ онъ.—Опять этотъ твой Бхарата нагрѣшилъ и великій Будда превратилъ его снова въ осла! Я иду сейчасъ мимо дерева, гляжу,—а мой осель стоитъ около него, жуеть траву и около него лежать эти мѣшки.—«Джури, какъ ты сюда попалъ?» обрадовался я. А онъ узналъ меня, заревѣлъ и сталъ ко мнѣ ласкаться. Что же оставалось мнѣ дѣлать, какъ не погнать его домой? Я захватилъ эти мѣшки и поѣхалъ!

И онъ хлестнулъ осла прутомъ и

спокойно отправился къ себѣ домой.

Пульна долго въ недоумѣннн смотрѣлъ ему вслѣдъ, а затѣмъ поднялъ руки кверху и съ сожалѣніемъ воскликнулъ:

— О, братъ Бхарата, какой ты великій грѣшникъ, что великій Будда снова превратилъ тебя въ осла!

И онъ съ пустыми руками поплелся къ своему монастырю.

А Бхарата, не найдя ручья, возвратился къ дереву. Не увидѣвъ около него ни своего товарища, ни мѣшковъ съ подаяніемъ, онъ подумалъ, что Пульна взвалилъ ихъ всѣ на себя и унесъ, тоже отправился къ себѣ въ монастырь.

Завидѣвъ его еще издали, Пульна выскочилъ къ нему навстрѣчу.

— О, братъ Бхарата! радостно воскликнулъ онъ.—Какъ я радъ, что ты опять искупилъ свои страданія и возвращаешься снова къ намъ чечеовѣкомъ, а не осломъ! Я самъ видѣлъ, какъ тебя угналъ къ себѣ вмѣстѣ съ нашими пожитками Мустафа!..

Бхарата вздрогнулъ.

— Ты говоришь, что ты самъ его видѣлъ съ нашими мѣшками? спросилъ онъ недоумѣвавшего собрата.

— Да... Когда мы отправились пить, то онъ неожиданно вдругъ оказался на дорогѣ! Ты снова принялъ образъ осла...

Бхарата укоризненно покачалъ головой.

— Мы оба съ тобою ослы, хотя и въ образѣ людей! укоризненно сказалъ онъ:—насъ, бы съ тобою повести на ярмарку и продать за то, что мы дали себя Мустафѣ перехитрить!..

И, оба хмурые, они вошли въ ворота своего монастыря, усѣлись на свои обычныя мѣста и погрузились въ молчаніе.

А Мустафа возвратился къ себѣ домой и весело разсказалъ обо всемъ своей женѣ. Селика смѣялась и была довольна, что у нея было теперь всего вдоволь.

— А хорошая эта штука переселеніе душъ! сказала она.—Я хотѣла бы, чтобы это повторяло съ каждаго мѣсяца!

Съ французскаго *Левкой*

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

На берегу, у дерева, стоялъ гусь. Шла мимо лисица. Увидѣвъ гуся, она сказала ему:—„Какъ всѣ вы гуси глупы!“ Гусь обидѣлся и ушелъ.

Отчего онъ ушелъ?

II.

Задумано слово, состоящее изъ десяти буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. Буквы 1. 5. 7. 10. означаютъ мѣру вѣса, 3. 2. 4. 5. 6. 7. 10—починку желѣзнодорожнаго полотна и квартеръ, 4. 8. 1. 5. 7. 10—плотничій и кузнечный инструментъ, 1. 5. 7. 8.—игру, 5. 3. 2. 1. 10—царя птицъ, 9. 8. 3. 5. 6. 10—хищную птицу, 7. 2. 3. 2. 4. 10—древне-русское жилище. 7. 2. 7. 2. 3. 2. 9. 10—птицу, 9, 8, 3. 5. 7. 10—часть одежды, 1. 5. 3. 6. 2. 7. 10—инструментъ, помогающій лучше видѣть, 4. 5. 4. 2. 6. 7. 10—мельчайшую часть времени.

Отгадать эти слова и задуманное слово, которое означаетъ фамилію русскаго писателя.

III.

Я, влѣзаю въ ухо къ своей сестрѣ, но я вовсе не серьга. Куда идетъ сестра, туда иду и я. Чтобы дать мнѣ дорогу, сестра моя неуклонно идетъ впередъ и больно кусаетъ того, кто съ нею неостороженъ или становится поперекъ ея пути.

Кто мы?

IV.

Одинъ человекъ встрѣтилъ женщину и сказалъ ей;

— Здравствуй, моя родная сестра!

Женщина отвѣтила:

— Это вѣрно, что у меня и у тебя одна и та-же мать и одинъ и тотъ-же отецъ, но только ты мнѣ вовсе не родной братъ.

Съ кѣмъ встрѣтилась женщина?

Ребусъ № 7.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ и головоломки, будутъ напечатаны).

*Рѣшеніе головоломокъ и ребуса, помѣщен-
ныхъ въ № 5 «Золотого Дѣтства».*

Головоломки: I., Что надъ нами вверхъ но-
гами?—Мухи. II., Дорога, городъ, отрада, портъ,
портретъ, порогъ—Петроградъ. III., Совъ паденіе—
совпаденіе. IV., На Дѣвѣтѣ козы шипали траву.
V., Соха, муха, рыба—Самара.

Ребусъ № 5: На + р + ѣз + комъ + вѣ + труба +
бочки + и + ст + ре + козы + вѣ + е + сь + деньги + бли +
тысяча + ми = На рѣзкомъ вѣтру бабочки и стре-
козы весь день гибли тысячами.

Вѣрныя рѣшенія прислали: В. Соболевъ, С.
Чердынцевъ, Ф. Бутнеръ, В. и М. Тюрины, К. Шва-
рманъ, И. Козловъ, В. Александровъ, В. Лаврова,
Н. и В. Рыхловы, М. Ечеистовъ, Л. Еленева. А.
Порываевъ, С. Глушенко, Н. Крючковъ, Т. Зябревъ,
М. и Л. Гусакъ, М. и Ш. Головастики, С. Гор-
лова, Т. и Н. Цытовичъ, Ш. Ильинскій, А. Смир-
новъ, А. Якунина, Ю. Прохоровъ, Ш. Гошень, В.
Соколо-Поповскій, И. и Н. Гаусманы, Н. Квашенко,
Д. Трахтенбергъ, Ж. Лебедева, П. Шалабановъ, Ж.
Лодзято, Л. Девятовъ, С. Сазонкинъ, В. и А. Вервь,
Ш. Ласунскій, Ю. Волосѣвичъ, Е. Михайловскій,
Н. Кожина, В. Кошеръ, М. Анбиндеръ, Н. Мамченко,
Д. Затмилова, Н. Глустовская, Э. Шапиро, Дѣти

Яхонтовы, С. Ушаковъ, В. Андреевъ, В. Посадская,
К. Доннеръ, Н. Коновальчуковъ, В. Самойловъ, В.
и В. Кряквины, М. Ильина, В. Бронникова, В. Шу-
стовъ, Дѣти Глаголевы, Дѣти Хододевичъ, К. Плеть,
В. Ш. и Н. Малицкіе, М. и Г. Добровольскіе, Б.
Киницкій, С. Богдановичъ, М. и Е. Буцынскія. А.
Папушинъ, С. и О. Павловы, В. Сидоренко, К. Ка-
нунова, В. Посадская, Б. Иванюкъ, О. Гедике, Л.
Ротчева, С. Лукинъ, В. Шелковниковъ, М. А. Пуп-
по, А. и І. Мизрохъ, Е. Вольнская, Д. Нечипаевскій,
С. и И. Федорченко. А. Маркова, Л. Черняевская,
А. Назаровъ, А. Короткевичъ, А. Воздвиженская,
М. Дунаева, И. Марковичъ, В. Лебедевъ, А. Моховъ,
К. Корякинъ, И. Мейндорфъ, Л. и М. Евстифѣевы,
Е. Кравцевичъ, М. Измайловъ, О. и Л. Келлертъ,
Б. и Г. Кирѣй, В. Минкевичъ, Фридрихъ, Л. Прав-
дина, В. Сталь, С. Лукичева, Ю. Молчановъ, Ж.
Антоновичъ, О. и В. Токаренко, Е. Куликовъ, Л.
Леонтовская, А. Никитинъ, В. Пословская, Ю. Маш-
таковъ, К. Смирновъ, И. Бухе, Быстряковъ, В. Яков-
левъ, Б. Плошко, А. Доннеръ, Ж. Соловьева, Б. Ко-
кошинскій, В. Никольскій, К. Лицинскій, М. и Т.
Шитовъ, О. Короваева, Л. Карабачъ, Б. Матвѣевъ,
М. и И. Сливинская, Л. Бардская, М. Кашникова,
Ж. Маркуль, М. и Ж. Филиповы, М. Шебашевъ,
В. Леоновъ, Н. и Н. Русаковы.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1917 годъ

НА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. Чехова.

Выходитъ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ (24 номера въ годъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Журналъ отличается вышнимъ изяществомъ и тщательно подобраннымъ содержаніемъ. Давая подписчикамъ въ 1916—1917 году цѣлый рядъ интересныхъ приложений, редакція задалась цѣлью доставить имъ полезныя и разумныя занятія и развить въ нихъ вкусъ ко всему изящному.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ „Золотомъ Дѣтствѣ“ найдутъ повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи, изъ жизни животныхъ, птицъ, насекомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарady и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

— Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЬ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
12 ИГРЪ для дѣтей.
24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (раскрашенные въ четыре краски).
ОСОБЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

1) **КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТРЪ:**
(куклы, занавѣсь, декорации, дѣйствующія лица и пьеса).

Большое приложеніе, исполненное въ краскахъ, которое доставитъ дѣтямъ и ихъ гостямъ пріятное развлеченіе на многіе мѣсяцы.

2) Книга съ иллюстраціями:

„СО ДНА ПРОПАСТИ“.

* Книга эта будетъ прочтена дѣтьми не разъ съ захватывающимъ интересомъ. *

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, пріучающимъ ихъ ориентироваться въ царствѣ смекалки.

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной виѣщности «Золотое Дѣтство» является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Ученый изъ Комитета изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ учебныя библіотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 5 р. 80 к., на полгода 2 р. 90 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровскій проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петрограда.

5 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.